Наталия БЕЛОСТОЦКАЯ (пос. Кобралово Гатчинский р-он Ленинградская обл.)

БЫТЬ или НЕ БЫТЬ

(притча о поэте)

По жизни юность, проявляя прыть,

Сама решает: «Быть или не быть?»

И юноша, поэтом стать желая,

Решил, что он Пегаса оседлает,

Взлетит и доберётся до Парнаса,

Где имя обессмертит звёздным часом:

Стихи напишет и предаст огласке…

Он цель поставил: «Стать поэтом к Пасхе!»,

И рассуждал: «Жить творчеством не трудно:

Рифмуй построчно, тему пой занудно

Толпе безмолвной, будто ты — сам Бог,

Вплетая стих в бессмертия венок…

Поэт любого ранга ждёт почёта…

С Шекспиром стану вровень или с Гёте?!

Прекрасно как! Придумывай сюжеты!

О чём писать?» …Увы, давно поэты

До появленья юноши на свет

Воспели темы все, оставив след

В поэзии, к ней отнесясь серьёзно…

Юнец канючил: «Ох, родился поздно!

О, горе мне! Но счастье было тем,

Кто раньше лет на сто родился. Тем

Хватило им, чтоб вылезти в поэты…

Сейчас уже всё спето, перепето…

О чём мне петь? Где отыскать сюжет,

Для оды, если я, и впрямь, поэт».

Над этим долго голову ломал

Певец грядущих дней… и захворал.

Болезни головы от всех сокрыты —

В них превосходство творческой элиты

Над остальной толпой. Храни их Боже…

И вряд ли доктор юноше поможет,

Скорее — знахарка. Её познанья

Ни разу не снискали нареканья:

Лечила, не глядя на ранг и лица,

Травой и родниковою водицей.

Вот у кого врачам бы поучиться:

В болезнях — дока, в травах — мастерица,

Умом заткнёт за пояс «айболитов»

В стране, где чин — от всех судов защита.

Ну, кто ей разрешит к больным вояжи,

Коль чина нет, как нет и экипажа;

Живёт в домишке старом за околицей,

И, собирая травы, Богу молится,

Чтоб уберёг людей и мир от бед…

Она могла бы дать юнцу совет.

Он вспомнил про неё, врачей ругая,

И головную боль превозмогая:

Больного будто укусила муха —

Взбодрился и решил пойти к старухе,

Чтоб снять хворобу чаем из цветов

И разузнать: где темы для стихов?

Но главное у знахарки спросить:

«Поэтом к Пасхе быть или не быть?»

Юнец пришёл тропинкою исхоженной

К домишку старому, что в поле брошенном.

Дом знахарки стоял ещё не шатко,

Юнец вокруг увидел тень упадка:

Канава заросла, дуб — в паутине,

Трава у дома – будто бы щетина.

Ей полевые цветики в насмешку

С травой духмяной были вперемешку;

Крапива и прилипчивый репей

Как стражи находились у дверей.

«Заброшенность — картина наших дней,

Лишённая поэзии, идей», —

Мысль здравая в головушке больной

Прошла как счастье тихо, стороной.

Старушка прошептала: «Запиши…

Все впечатленья — пища для души.

Не хлеб ещё, но чувств серьёзных крохи…

Твои дела, юнец, не так уж плохи.

Ты жаждешь славы?! Хочешь стать поэтом?!»

Но как узнала знахарка об этом?

Не стал юнец головушки ломать:

«О, знахарка! Совет мне дай как мать!

Наставь меня и укажи мне путь,

Чтобы в поэзии и я сумел блеснуть,

Чтоб стал певцом таким, как соловей…

Поэты ждут признанья от людей…»

«Поэт от Бога — он певец, предтеча…

О соловье не может быть и речи —

Сладкоголосый, звонкий соловей

Поёт красиво, только — без идей…

О чём ты пропоёшь мне, современник,

Поэзии вассал и рифмы пленник?

Свободна мысль… Свобода — для богемы…»

«О чём писать, скажи?! Где взять мне темы?!

Не вовремя родился — нет сюжетов…

Плохое время нынче для поэтов».

«Но время не помеха вдохновению,

Коль мысли есть, и чувства, и стремление…

Смотри на вещи, проникай в их суть:

Коль пишешь о бамбуке — им и будь.

Корнями цепко связанный с землёй,

Что чувствует бамбук — о том и пой!

Подслушай в поле разговоры трав,

Как будто сам травою дикой став,

И будет каждый стих твой — откровением,

А не словами в ступке для толчения

Среди медузно-студенистых фраз…

Душа поэта — редкостный алмаз,

Способный преломить прозрачный свет,

Где радужность таилась много лет,

И поделиться спектром чувств своих,

Создав неповторимый, умный стих

Не о себе…Себя забудь, поэт!

Тебе принадлежит весь Божий свет.

О нём пиши: хвали, ругай, стенай,

Глубины чувств стихами передай,

Сумев поймать луч солнца, чтоб писать,

В нём — вдохновенье, Божья благодать».

И — замолчала. Эта передышка

Дала юнцу работу для умишка,

И он подумал: «Значит — не сбылось?

Вдруг в творчестве жить можно на авось»…

Речь знахарка продолжила: «Дружок,

На — вот очки и слуховой рожок,

Используй их, призвав на помощь Бога,

Увидишь и услышишь очень много,

Чего не видел раньше никогда;

Услышишь ты, о чём журчит вода…

Любое существо, любой предмет

Тебе расскажет главный свой секрет.

Легенды эти слушай, Бога ради,

А для стиха и трёх катренов хватит».

Надев очки, рожок приставив к уху,

Юнец услышал, как общался с мухой

Ветвистый дуб — древесный долгожитель,

О жизни говоря с ней как учитель:

«За сотни лет я видел много разного…

Жизнь — это служба, а не время праздное.

Знай: делу – время, а потехе — час…

Послушай поучительный рассказ»…

Юнцу легенда показалась сном…

Теперь юнец взглянул на старый дом.

Там, возле двери, ощутив свободу,

Крапива и репей росли все годы.

Крапива — недотрога, а репей,

Как малое дитя искал друзей:

Он в платье или в брюки мог вцепиться,

Желая с кем угодно подружиться.

Крапиве — всё равно и «зазнавала»

Репей дразнила «жутким прилипалом»,

Ему твердила: «…видеть не могу!

Дотронешься — я больно обожгу!»…

Юнец подумал: «Жизнь вокруг забавная…

Когда же знахарка мне скажет главное?»

Для знахарки людские мысли — строки,

Которые читала третьим оком.

«Вот — насыпь, посмотри, дружок, направо,

Где мхом зелёным заросла канава.

Ступай туда и встань — смотри вперёд:

Вдали канава спутницу найдёт —

Дорогу в город, где шумит народ…

Прислушайся…»

«Ну, кто их разберёт?

Болтают все… У каждого — история».

«Пиши стихи про них».

«Им должен вторить я?!

Ох, не привык, я упаду сейчас….»

«А как же стих, и как же звёздный час?

Иди в народ, вперёд навстречу жизни

И стань пророком для своей Отчизны.

Неси свой крест, как символ тяжких мук,

Других сердец услышав боль и стук

Пронзительный, как выстрелы в висок…

Поэт, увы, несчастен, одинок,

Отвергнут поэтической «тусовкой»,

Где каждый о себе рифмует ловко,

И мнит с восторгом: «Я уж точно – Гений!»

Им чувств не надо, как и откровений.

Но лишь Поэт от Бога — рыцарь Духа!

Даны и третий глаз, и третье ухо

Ему Всевышним, чтобы жизнь воспеть,

И, за людей страдая, умереть…

Ступай в народ, пиши стихи, дружок…

Верни очки и слуховой рожок».

Юнец исполнил просьбу — всё отдал,

И удивлённо знахарке сказал:

«Ты — лучшая из сотен лекарей,

Всё прояснилось в голове моей,

Но без рожка и сказочных очков

Не нахожу я темы для стихов:

Не слышу и не вижу я опять!»

«Поэтом, юный друг, тебе не стать

Ни к Пасхе, и не к Троице Святой

Не сочинишь стиха, Господь с тобой…

Не проводник ты Гласа во Вселенной…

Поэзия — мир чувственный, блаженный…»

«Кем стать тогда, скажи, пророчица,

Когда лишь творчеством жить хочется?»

«О, это можно и без лишних слов!

Есть творческая жизнь среди стихов,

Где будут и признание, и деньги:

Ты колоти поэтов хорошенько

Их критикуя, только не робей,

А знай себе поэтов бей и бей.

(От этой речи юноша притих)

Лупи почём попало смелый стих…

Поэт и стих — едины, знай про это…

Бьёшь по стиху, а больно и поэту.

Но не стесняйся — бей наотмашь стих:

Сначала — в сердце, а затем — «под дых»…

Не раз поэтов доведёшь до слёз

В среде творцов ты — критик-виртуоз!

К тебе пойдут поэты с подношением,

Боясь хулы, боясь плохого мнения…»

«Вот, я дождался нужного совета!

И мало не покажется поэтам!!!»

Колотит он поэтов, видит Бог,

За то, что сам поэтом стать не смог.